

СНЫ

Я помню сон.
Мне снился остров дальний,
где по утрам беспечно пели птицы,
и дом дремал под рыжей черепицей
в ограде тополей пирамидальных.

Я помню май,
поправший все прогнозы,
неистовый, ликующий, духмяный.
Я просыпался сумасшедше рано,
в шестом часу, и все казалось поздно.

Казалось, все давно уже случилось:
роса упала, и сирень раскрылась,
мир без меня отпраздновал рассвет...
Как страшно опоздать
в шестнадцать лет.

...Еще был сон.
Зачем-то снилось лето,
где по утрам поют все те же птицы,
и дремлет дом под рыжей черепицей,
и мне не страшно опоздать к рассвету.

Июль, и все давно вошло в привычку.
Мне скоро тридцать
(как-то даже странно),
и я встаю не поздно и не рано –
к удобной ежедневной электричке.

Будильник, чайник на электроплитке,
сто метров от платформы до калитки –
все до минут сложилось, утряслось...

Но где-то глубоко,
я это знаю,
живет во мне, как отголосок мая,
все тот же майский, въедливый вопрос:
Ну, хоть к полудню я не опоздаю?

И, словно девушка из врубелевской рамы,
вслед из окна с надеждой смотрит мама,
такая же, как в мае, молодая.

Велосипед

От вокзала до кино «Победа»,
с уговором не порезать шин,
Филин за прокат велосипеда
брал по-свойски – гривенник с души.

Мишка Филин не ломал комедий –
все-таки у нас был двор один –
он, не пересчитывая меди,
мне совал прищепку для штанин.

И, перехватив тугой прищепкой
свой выдавший виды, тертый клеш,
я со старта брал легко и крепко,
так, что Филин ахал:
– Цепь порвешь!

Ветер пел и весело и складно,
сердце билось чаще во сто крат –
до кино «Победа» и обратно –
триста метров счастья напрокат.

Филин вел себя весьма тактично,
Мишка понимал в клиентах толк.
Вытряхнув всю скудную наличность,
он кивал мне:
– Ладно, можешь – в долг.

Сердце учащало бег стократно,
ветер обжигал со всех сторон...
Но совал прищепку я обратно:
– В долг не езжу. У меня закон.

И потом, мне тоже, между прочим,
И батя новый велик обещал...

Мишка смачно сплевывал:
– Как хочешь.
Я тебе по дружбе предлагал.

...Он катил, разбрызгивая лужи,
я поодаль брел домой пешком.
И стояло в горле слово «дружба» –
жесткое, похожее на ком.

Размышления на ночном вокзале

По кромке заката, сырой и простудной,
по тоненькой кромке рассветного льда
пришел человек неизвестно откуда,
ушел человек неизвестно куда.

Чью душу согрело крыло телогрейки?
Чье время до света песком протекло?
Потертые доски казенной скамейки
недолго хранят человеческое тепло.

Курортник бедовый,
мешочник бывалый –
какие заботы, каких волостей?..
Стоят вдоль российских железок вокзалы,
живут вековечную жизнью своей.

Там нет поименных мирских пересудов,
там нет «персональной судьбы» и следа.
Пришел человек неизвестно откуда.
Ушел человек неизвестно куда.

* * *

Ветрено,
пасмурно,
сыро –
надо ж, как время течет.
Было пернатых полмира,
сделалось наперечет.

Яблоня
листья
уронит.
Солнце слетит на закат.
Было друзей – не упомнить,
стало – двух-трех не сыскать.

* * *

Еще чем круче,
тем заветней,
но тем грустней день ото дня.
«Красивый, двадцатидвухлетний...» -,
увы, уже не про меня,

Еще чем выше,
тем желанней,
но все отчетливей в груди:
мои вершины мироздания
и перевалы позади.

Еще под куполом манящим
так ослепительна
звезда...

Но все пронзительней и чаще
смотрю в далекое, туда,
где я над крутизной
запретной,
глотаю воздух жадным ртом,
«красивый, двадцатидвухлетний»,
карабкаюсь за окоём.

Попытка утешенья

Что-то разладилось в самом начале,
с прошлым ли напрочь разорваны нити –
главное не предавайтесь отчаянью.
Повремените.
Повремените.

Вновь перед ложью чужой безоружны,
вновь проходимец ликует в зените –
вспомните, чаще бывало и хуже.
Повремените.
Повремените.

Осень, простуда, недобрые вести...
Что ж, непутевость свою не корите,
не потакайте сочувственной лести.
Повремените.
Повремените.

Тают надежды, уходит уверенность –
ждите, в душе чистоту сохраните.
Все остальное вернется со временем.
Повремените.
Повремените.

Лист календарный переверните.
Все образуется.
Повремените.